

М. А. ГАСРАТЯН

КУРДСКОЕ ВОССТАНИЕ 1925 года

(Восстание шейха Саида)

В истории курдского освободительного движения важное место занимает восстание курдов Турции в 1925 г.

Подготовка восстания, получившего позже название «Восстания шейха Саида», восходит к началу двадцатых годов. В результате активизации деятельности курдских подпольных групп содалась возможность уже в мае 1923 г. объединить их в единую организацию, возглавляющуюся Комитетом независимости Курдистана. Организация имела конспиративный характер и состояла из подпольных групп (по пять человек в каждой). Каждый член ее имел свое звание и вымышленное имя, должен был знать участников только своей пятерки и поддерживал связь с одним из членов другой группы¹. Название комитета также должно было держаться в тайне, а за выдачу организации предусматривалось суровое наказание. Во главе Комитета стоял полковник Джибранлы Халит-бей. В сравнительно короткое время Джибранлы Халит-бею удалось заручиться сотрудничеством вождя племени мутки Хаджи Мусы (бывший член Представительного комитета, избранного на Эрзерумском конгрессе 1919 г.), вождя племени хасананлы Хасананлы Халит-бея и многих других вождей курдских племен. Комитет создал свои организации и в армии, где ему удалось привлечь на свою сторону часть офицеров. Среди них были выходцы из Ирака, способствующие установлению связей с Багдадом и Алеппо. Руководство Комитетом независимости Курдистана стремилось заручиться в своей деятельности поддержкой местных властей, а также влиятельных шейхов востока страны. Это было важным фактором, необходимым для успешной вооруженной борьбы за осуществление целей Комитета². Внимание Комитета особенно привлек шейх Саид³, который имел большое влияние в Турецком Курдистане. Богатство и влияние шейха Саида сыграли большую роль при решении членов Комитета не-

зависимости Курдистана привлечь его на свою сторону. К концу лета 1923 г. Юсуф Зия, один из руководителей курдского движения, в прошлом депутат от Битлиса в ВНСТ (Великое национальное собрание Турции) первого созыва отправился в Хыныс к шейху Саиду. Во время встречи было заключено соглашение о взаимной информации и о координации мер по организации курдского восстания.

Зимой 1923—1924 гг. в Палу состоялось совещание курдских руководителей, которое приняло решение активизировать курдское подпольное движение.

Ширилось число сторонников курдского движения. Чтобы не привлечь внимание властей, руководители движения принимали те или иные решения тайно, на малочисленных по составу совещаниях. Так, весной 1924 г. состоялась встреча Юсуф Зия с Джибранлы Халит-беем в Эрзеруме. Было решено полностью вооружить восставших курдов с помощью шейха Махмуда и Исмаил-аги Симко, находившихся за пределами Турции, а также послать через Сирию в Лигу наций послание с требованием оказать помощь курдам. С этим решением и личным письмом Джибранлы Халит-бея, Юсуф Зия направился к шейху Саиду в село Колхисар (уезд Хыныс). Затем он посетил различные районы (Гексу, Хаджи-Омер, Текман, Гекоглан, Карлы-ова, Варто), где познакомил с этим решением курдских вождей⁴.

Естественно, что эта деятельность курдских лидеров не могла остаться вне внимания турецких властей. Впервые о готовившемся восстании сообщили секретным письмом в Анкару руководители курдского племени хормек. По приказу Мустафы Кемалю в октябре 1924 г. турецкие власти арестовали Юсуф Зию, а в декабре—Джибранлы Халит-бея, которые были отправлены в Битлис для предания суду военного трибунала⁵. Был арестован также бывший член Представительного комитета Хаджи Муса, а также предприняты меры для привлечения к суду других видных курдских патриотов⁶. После ареста Джибранлы Халит-бея председателем Комитета независимости Курдистана был избран шейх Саид. Комитет принял решение начать всеобщее восстание, освободить арестованных курдских руководителей⁷. Благодаря курдским чиновникам телеграфной конторы в Гендже (вилайет Бингель), шейх Саид был в курсе шифрованной переписки. Особенно он следил за развитием следствия над Юсуфом Зией и Джибранлы Халит-беем. Когда в Битлисе военно-полевой суд начал судебный процесс над указанными выше лицами, власти сочли нужным пригласить шейха Саида в качестве «свидетеля». Однако последний отказался явиться, ссылаясь на болезнь и старость⁸. Военно-полевому суду не удалось к тому времени узнать о всей деятельности Комитета независимости Курдистана.

Еще до ареста Джибранлы Халит-бея сын шейха Саида, Али Риза, в ноябре 1924 г. выехал через Диярбакыр в Халеб (Сирия), чтобы окончательно согласовать организацию восстания с другими курдскими лидерами. Здесь состоялся съезд, на котором приняло участие сравнительно большое число курдских деятелей из Турции, Сирии и Ирака. На съезде подробно было обсуждено положение в Турецком Курдистане. Почти все участники съезда пришли к выводу, что обеспечить национальные права курдского народа возможно лишь путем восстания. Съезд принял решение начать всеобщее восстание в Турецком Курдистане 21 марта 1925 г. (день национального праздника «Ноуруз»), а также избрал руководящий орган восстания⁹. Обсудив мероприятия по подготовке восстания, 15 ноября Али Риза выехал в Стамбул, где он имел встречи с видным курдским деятелем Сеидом Абдулькадыром. Во время этих встреч Али Риза представил положение дел в восточных вилайетах, изложил соображения курдского комитета относительно восстания, а также свои впечатления о планах курдских руководителей, находившихся в Халебе и Ираке. О результатах встречи Али Риза рассказал участникам собрания, которое состоялось в начале января 1925 г. в селе Кырыкхан (уезд Палу). На этом и других собраниях, состоявшихся в январе, обсуждались планы восстания курдов, а также разногласия, существовавшие между курдами-суннитами и курдами-кызылбаши, которые не желали принять участия в повстанческом движении. Так, высказывались мнения, что, если племена-кызылбаши (алеви), проживающие в районах Варто (вилайет Муш) и Хыныс (вилайет Эрзерум), не присоединятся, то возникнут определенные трудности с восстанием. Однако попытки шейха Саида присоединить к движению эти племена не дали положительного результата¹⁰. Это в целом отрицательно сказалось на ходе восстания¹¹.

В то время как во многих курдских районах востока страны велась усиленная подготовка к освободительному восстанию, вожди племен Дерсима продолжали споры о путях борьбы за освобождение от турецкого гнета. При этом многие из них вели соглашательскую политику, заботились главным образом о личном благополучии, все еще питая иллюзии относительно политики кемалистов в курдском вопросе. К числу их относился и «дерсимский» депутат ВНСТ первого созыва Хасан Хайри. На радикальных позициях стояли Байтар Нури Дерсими, Сеид Риза и некоторые другие курдские лидеры, которые не верили обещаниям турецких властей и считали, что курды могут добиться своих национальных прав только путем вооруженной борьбы.

Таким образом, в целом курдские племена Дерсима не приня-

ли участия в движении шейха Саида. Тем временем недовольство в восточных вилайетах нарастало. Во время посещения различных районов к шейху Саиду присоединились сотни вооруженных курдов, население этих районов оказывало ему различные почести. В течение второй половины января 1925 г. шейх Саид в окружении большой свиты посетил вилайетский центр Дарахини (Гендж), уезды Лидже, Хани¹². Покинув Хани 5 февраля 1925 г. шейх Саид со ста вооруженными всадниками и многочисленными вождями прибыл в деревню Пиран¹³, где остановился у своего брата Абдурахима. Вечером того же дня в дом Абдурахима прибыл старший лейтенант Хасан Хюсю-эфенди в сопровождении лейтенанта Мустафы Асым-эфенди и 15 жандармов и потребовал от шейха Саида выдать 10 курдов, которые обвинялись в убийстве и находились в доме некоего Бахрие. Шейх попросил из уважения к нему не арестовывать этих лиц¹⁴. Молодой турецкий офицер заявил, что он не признает уважения ни к кому, кроме как к законам республики и потребовал сдать ему этих курдов. После этого произошло вооруженное столкновение, в результате которого было убито несколько турецких солдат, а остальные во главе с офицером были взяты в плен. Это событие, происшедшее 8 февраля 1925 г. в Пиране, практически сорвало план восстания. Шейх Саид, считая, что курды еще не готовы к всеобщему выступлению, выехал в сторону Генджа с намерением локализовать события в Пиране. Однако, узнав о событиях в Пиране, брат шейха Тахир 10 февраля захватил почту из Лидже в деревне Серди и с отрядом в 200 человек 11 февраля прибыл в Гендж к шейху Саиду и передал ему захваченные документы и деньги. *Эти два события означали по существу начало восстания.* Руководителем преждевременно вспыхнувшего восстания стал шейх Саид¹⁵. Встав во главе восстания, шейх Саид и его соратники силами примерно в 10 тыс. человек 14 февраля полностью овладели Генджем¹⁶.

После пленения губернатора и турецких чиновников вождь племени модан Факы Хасан был назначен губернатором Генджа. За подписью шейха Саида был издан чрезвычайный закон, согласно которому Гендж объявлялся временной столицей Курдистана, каждый курд становился борцом за веру, вся светская и духовная власть перешла к шейху Саиду, все налоги и пленные направлялись в Гендж¹⁷.

Повстанцы опубликовали также воззвание, в котором объявлялось об уничтожении тяжелого и ненавистного налога «ашара». Взамен этого население призывалось снабжать повстанцев продовольствием. Это важное мероприятие нашло горячий отклик среди широких крестьянских масс, большая часть которых с оружием в руках выступила против гнета турецких властей¹⁸.

В короткий срок восстание распространилось на обширную территорию, охватив 14 вилайетов востока страны¹⁹.

Успеху первого периода восстания способствовал ряд факторов. Например, пересеченный характер рельефа восстания давал преимущество повстанцам и представлял определенные трудности в оперативном отношении для правительственных войск.

В вилайетах, охваченных восстанием, численность курдского населения достигала более 600 тыс. человек, что в три раза превышало численность турок. Кроме того, в районе восстания жило более 100 тыс. черкесов, арабов, армян и представителей других национальных меньшинств, которые сочувственно относились к повстанческому движению. Многие из них примкнули к восстанию и с оружием в руках сражались против национального гнета реакционных кругов Турции. Все это, несомненно, благоприятствовало успешному ходу повстанческого движения на первом этапе.

«Весь Курдистан был охвачен огнем восстания и угрожал восточным провинциям, молодая Турция дрогнула...»²⁰, — писал английский автор Армстронг.

Шейх Саид 20 февраля, заняв Лидже и Хани, где к нему присоединились силы Салих-бея (из Хани), двинулся через ущелье Хани по направлению к Диярбакыру. 28 февраля в окрестностях Диярбакыра к нему присоединился крупный отряд шейха Шемседина. В то же время брат шейха Саида, Абдуррахим, вступил 29 февраля в уезд Маден (вилайет Элязыг), а шейх Эюб с отрядом в 500 воинов занял Сиверек и присоединился к Абдуррахиму в Чермике (вилайет Диярбакыр). Оттуда они вместе двинулись на Эргани. 28 февраля в местечке Тала (севернее Диярбакыра) шейх Саид расположил штаб курдской армии, которая к тому времени насчитывала около 20 тыс. человек²¹. Здесь он ждал сведений от курдских сил, которые действовали в районах Мардин, Эргани, Сиверек, Маден.

Следует отметить, что успешное продвижение курдов не походило на строго организованное наступление регулярных войск. Шейх Саид располагал не регулярными войсками, а лишь отрядами курдских племен, во главе которых стояли главным образом шейхи, вожди, отставные офицеры турецкой армии. По мере продвижения курдов к ним присоединялось местное население. После взятия каждого населенного пункта устанавливалась в нем новая администрация, которая не всегда управляла лучшим образом. Тем не менее необходимо отметить, что со времени начала восстания до прихода к власти кабинета Исмет-паши (3 марта 1925 г.) военное преимущество было на стороне курдов. Шейх Саид на первый план выдвигал лозунг освобождения религии от «неверных» правителей Анкары, скрывая от широких масс истинные це-

ли восстания—создание независимого Курдистана со столицей в Диярбакыре. Такая политика дала обратные результаты: многие курдские руководители не придавали серьезного значения религиозной кампании шейха Саида и не желали сражаться лишь во имя «уважения религии». Они намеревались провозгласить создание независимого государства после захвата Диярбакыра. Однако Диярбакыр изменил ход борьбы в пользу турецких властей.

Шейх Саид понимал, что его силы недостаточны, чтобы с ходу занять Диярбакыр. Поэтому он начал переговоры с представителями турецких властей, чтобы выиграть время и дать возможность курдским патриотам поднять восстание в самом Диярбакыре. В свою очередь армейский инспектор Кязым-паша (Орбай), губернатор Али Джемаль (Бардакчы), командующий корпусом Мурсель-паша, заняв все стратегические пункты города, ждали прибытия подкрепления. Городские власти отказались выдать местному населению оружие. Оборона города осуществлялась только регулярными войсками. Поскольку турецкое командование отказалось сдать город, в начале марта шейх Саид принял решение начать наступление на Диярбакыр. Слабо вооруженные курдские отряды с разных сторон с боями пытались проникнуть в город. Ночью 11 марта отряд отборных курдских воинов через Мардинские ворота ворвался в город и присоединился к сторонникам шейха, которые под лозунгами «Да здравствует независимость!», «Да здравствует Курдистан!» сражались с превосходившими силами турок²². В результате ожесточенных, но неравных боев курды потеряли 150 человек убитыми, остальные под покровом ночи покинули город или разбежались по домам.

После неудачной попытки занять Диярбакыр шейх Саид отдал приказ об отступлении. Положение повстанцев с каждым днем ухудшалось, их с севера теснили 40 тыс., с юга—30 тыс. правительственных войск²⁸. В этой обстановке шейх Саид предпринимал отчаянные усилия по координации действия курдских руководителей, мобилизации материальных и людских ресурсов, улучшению положения повстанческого движения. Однако никакие усилия руководства восстанием уже не могли приостановить наступление превосходящих сил турок.

К тому времени к Диярбакыру подошли правительственные войска, которые стали теснить отряды шейха Саида к ущелью Хани. Здесь к шейху присоединились потрепанные в Эрагни отряды шейха Абдурахима. После непродолжительного сопротивления повстанцы были вынуждены отступить к Дарахани, а оттуда, разбившись на многочисленные группы, укрылись в лесах районов Гендж, Палу, Чапакчур. Шейх Саид с вождями и шейхами различных племен покинул Дарахани и прибыл 27 марта в Чапакчур,

где из Элязиза, Киги, Варто ждал прибытия Абдуллаха, Шефи и других шейхов²⁴.

Еще 26 марта регулярные турецкие войска начали широкое наступление в районах Диярбакыра, Варто и Элязиз. Турецкое командование намеревалось окружить повстанцев с четырех сторон и воспрепятствовать уходу их в Ирак, Сирию и Иран²⁵.

Наступлению правительственных войск способствовали анархия, грабежи, начавшиеся в Элязизе и в других городах, разногласия среди курдских руководителей, а также переход на сторону турок части вождей племен Элязиза. Так, вождь племени Неджипага (из Охи), курдские беи Элязиза, такие племена Восточного Дерсима, как хверан, долан, изолан, суран во главе с их духовным предводителем Догандедеоглу Хюсейном, поддавшись на обещания турецкого командования и тем самым изменив курдскому освободительному движению, ударили в тыл повстанческим силам шейха Шерифа. В итоге 1 апреля 1925 г. повстанцы были вынуждены отступить по направлению к Палу²⁶, к которому подходили регулярные части Кязым-паши. Значительная часть курдов (примерно 5 тыс. человек) отступила к ущелью Мендо и устроила там засаду 5-й дивизии Кязым-паши. 3 апреля в том же ущелье началось ожесточенное сражение, которое продолжалось сутки. Несмотря на героизм, курдские отряды были вынуждены оставить ущелье и скрыться в окрестных лесах, а шейх Шериф с несколькими своими сподвижниками двинулся к Чапакчуру, чтобы присоединиться к шейху Саиду. 6 апреля правительственные войска вступили в Чапакчур, и шейх Саид в сопровождении 300 всадников был вынужден отступить по направлению к Солхану.

На помощь турецким властям выступило и племя хормек. Так, вождь этого племени Кючюк Мехмед Хулюси-эфенди выставил против повстанцев вооруженный отряд в 300 человек, его брат Али Кемаль—100 человек. Правительственные войска вместе с верными им племенами в долине Карлыова нанесли поражение курдским силам племени джибран, вожди которого Баба и Хатто с 50 всадниками отступили к району Солхан и в местечке Эшек-Мейдан присоединились к шейху Саиду.

За помощь правительственным войскам турецкие руководители послали поздравительные телеграммы населению Киги, вождям племени хормек. В частности, телеграммы были получены от президента Турецкой Республики Мустафы Кемалю, губернатора Эрзурума Зюхтю, инспектора 3-й армии Кязыма, командующего 11-й дивизией Османа Нури²⁷.

В конце марта 1925 г. Хасананлы Халит, Али Риза, братья Джигранлы Халита и некоторые другие курдские вожди с отрядом в 1000 воинов после безуспешной атаки Хыныса²⁸ вынуждены

были отступить в восточном направлении. В это время турецкие силы, находившиеся в Каракесе, с помощью вождя племен хайдеран и адеман навязали курдам новое ожесточенное сражение, в результате которого Хасананлы Халит-бей вместе со своими сподвижниками перешел границу Ирана и двинулся к Маку. Иранское правительство встретило курдских повстанцев огнем и мечом. В результате сражений погибли сын Хасананлы Халит-бея Шемсеттин, сын шейха Саида Абасеттин, вождь племени зерган Керем и многие другие повстанцы²⁹. После этого боя Хасананлы Халитбей и Али Риза вместе с оставшимися воинами присоединились к курдскому движению в Иране³⁰.

Неудачи и отступления курдов во всех районах во многом были результатом той напряженной военно-административной и политической деятельности, которую осуществляли турецкие правящие круги по подавлению восстания.

Вопреки ожиданиям турецких властей, как было показано выше, в начале восстание быстро распространялось по восточным и юго-восточным вилайетам страны. Однако только спустя несколько дней после его начала в турецкой прессе появилось сообщение о «событиях в Гендже». Хотя турецкое правительство знало о курдском движении на востоке страны, размах восстания оказался неожиданным для него. Этим можно в известной мере объяснить оптимистические сообщения прессы, а также хвастливые официальные заявления представителей властей о быстром подавлении «движения реакционного шейха». Так, 18 февраля 1925 г. на заседании Великого национального собрания Турции (ВНСТ) на запрос одного из депутатов министр внутренних дел заявил: «В Гендже появился бандит по имени шейх Саид. Вместе со своими сторонниками он начал грабежи в округе. Однако в результате серьезных мер, принятых правительством, в самом скором времени он будет ликвидирован»³¹.

В этой связи представляет также интерес заявление поверенного в делах Турции в Москве Энис-бея сотруднику РОСТА, который, в частности сказал: «...Никакой опасности для правительства и спокойствия страны это движение не представляет. Шейх Саид выступает под прикрытием религиозных лозунгов. Поэтому весьма возможно, что в Турции найдутся отдельные реакционеры, которые будут сочувствовать движению шейха Саида. Но широкие массы, безусловно, чужды движению... Я не сомневаюсь, что как прошлогоднее восстание племени айсоров было ликвидировано правительством, так и нынешнее восстание окончится полным крахом шейха Саида»³².

Таковы были полные оптимизма первые официальные заявления турецких руководителей о событиях на востоке страны. В то

же время, понимая всю серьезность положения, они стали принимать меры по подавлению восстания.

Поздно ночью с 22 на 23 февраля под председательством президента состоялось заседание Совета министров. В нем принял участие и начальник генерального штаба Февзи-паша (Чакмак). На этом заседании правительство приняло решение, которое было утверждено ВНСТ³³, объявить район восстания на чрезвычайном положении сроком на один месяц.

24 февраля состоялось заседание парламентской группы депутатов Народно-республиканской партии, на котором выступили глава правительства Фетхи-бей и министр внутренних дел Джемил-бей. Фетхи-бей уже не говорил, как ранее, о «бандитизме», а подчеркивал «реакционный характер восстания». Затем на заседании было зачитано воззвание шейха Саида, который якобы призывал к созданию независимого Курдистана, к восстановлению халифата, установлению норм «шариата», а также к борьбе за свержение правящей «атеистической» власти³⁴. Все выступавшие в целом охарактеризовали восстание как реакционное, вызванное главным образом «религиозным фанатизмом курдов» и подстрекательством иностранной державы.

После обсуждения положения на востоке страны министр юстиции Махмуд Эсат-бей прочел подготовленный правительством проект закона, который предусматривал жестокие меры наказания против всякой оппозиционной деятельности.

Подавляющее большинство депутатов НРП высказалось за одобрение этого проекта закона, который был принят почти единогласно³⁵.

Следует отметить, что турецкие правящие круги не придерживались единой политики в вопросе подавления курдского движения. Наблюдалось отличие взглядов как между НРП и ПРП, так и в самой Народно-республиканской партии. В этой партии было три течения: умеренное, крайне националистическое и «левое». Умеренное возглавлял Фетхи-бей, крайне националистическое — Исмет-паша, которого поддерживал М. Кемаль и «левое» (радикальное) — Махмуд Эсат. Крайние националисты, которых было большинство в НРП, ждали случая, чтобы устранить от руководства страной так называемую умеренную группу, а также расправиться с «прогрессистами». Восстание шейха Саида в этом плане было достаточно удобным моментом. Фетхи-бей был прежде всего обвинен в том, что он его прозевал. Подверглись критике и нападкам его оптимизм в оценке размеров движения и опасности, которую оно сулило, и его нерешительность в выборе мер по подавлению восстания. Уже в самом начале событий здесь наблюдалось одно характерное явление. Часть членов НРП не скрывала мас-

штабы курдского движения, а, наоборот, умышленно преувеличивала его.

Несколько неожиданной казалась и позиция, занятая с самого начала Прогрессивно-республиканской партией (ПРП). «Прогрессисты» поддержали правительство, и не только не проявляли хотя бы формального сочувствия к восстанию, но и продемонстрировали свою готовность активно содействовать его подавлению. Лидеры ПРП одобрили меры, предложенные кабинетом Фетхи-бея и выступили в ВНСТ и в печати с декларацией, осуждающей восстание и обещающей правительству полную поддержку.

Говоря от имени ПРП, Кязым Карабекир-паша заявил, что он вполне согласен с проектом закона, который считает преступлением против отечества все действия тех, кто будет пользоваться религией в политических целях³⁶.

Центральный комитет ПРП разослал своим провинциальным отделениям телеграммы, в которых требовал рассматривать восстание как движение реакционное, поскольку партия порицает принципы, о которых это движение возвещает³⁷.

В то же время вся оппозиционная пресса заполняла свои страницы успокоительными сообщениями с района восстания, явно преуменьшая его размеры. Такая тактика ПРП объяснялась не только желанием отмежеваться от курдского движения, но и сообщениями оборонительного характера. Руководство ее, конечно, знало о намерении исметовцев использовать события на востоке страны, чтобы раз и навсегда покончить с поднимавшей голову оппозицией³⁸.

Лояльное поведение оппозиции в один из острейших моментов, пережитых правительством, укрепило у известной части умеренного крыла НРП впечатление о преувеличенности и необоснованности подозрений на ее счет. Этим между прочим оперировал Фетхи-бей, пытавшийся в поведении ПРП найти доказательства правильности взятого в отношении к ней курса. Однако большинство депутатов НРП стало на иную точку зрения. Оно усмотрело в поведении оппозиции лишь маневр, который мог содействовать еще большему притоку симпатии к ней в стране. Поэтому по указанию Мустафы Кемалю, Фетхи-бей начал переговоры с лидерами ПРП, советуя им ликвидировать свою партию. Это было вызвано резкой критикой, начатой крайними националистами против членов ПРП, которые якобы подстрекали к восстанию. Между тем эта партия даже не имела своих организаций в охваченных районах восстания. Никаких практических и организационных связей партия не имела с организаторами восстания. Однако сторонники ликвидации ПРП всячески мусолили статьи ее программы, в которой говорилось, что партия «уважает религию» (ст. 6)³⁹. Между тем, согласно второй статье конституции 1924 г., государственной рели-

гией Турецкой республики был ислам, т. е. Турция была мусульманским государством. Следовательно, включение статьи об уважении к религии в программу ПРП не противоречило конституции 1924 г. Несмотря на это, не прошло и двух недель после начала восстания, 25 февраля 1925 г. премьер-министр Фетхи-бей пригласил к себе председателя ПРП Кязима Карабекир-пашу, генерального секретаря Али Фуад-пашу и Рауф-бея и заявил им о необходимости распустить ПРП⁴⁰.

Таким образом, вопрос о запрещении деятельности ПРП практически был решен, хотя программа и деятельность ее не противоречили конституции. Дело в том, что Мустафа Кемаль и его крайне националистическое окружение стояли за однопартийную диктатуру турецкой буржуазии.

Переговоры ни к чему не привели, так как «прогрессисты» отказались ликвидировать свою партию. Председатель Кязим Карабекир-паша заявил Фетхи-бею, что, хотя партию создали они, ее может распустить лишь съезд партии. Далее Кязим Карабекир-паша сообщил, что ПРП поддерживает все усилия правительства по подавлению восстания⁴¹. Однако эти доводы, как мы увидим ниже, не имели успеха.

2 марта 1925 г. с критикой внутренней политики Фетхи-бея на заседании НРП выступил Реджеп-бей (Пекер). В своей речи он заявил о необходимости принятия более жестких мер. Защищаясь от критики своего бывшего министра внутренних дел, Фетхи-бей тогда заявил: «Очень жаль, что человек, по вине которого возникла курдская проблема, здесь меня критикует. Принятые нами меры достаточны. Я не стану пачкать кровью мои руки ненужными суровыми мерами»⁴².

В свою очередь депутаты от восточных вилайетов заявили на заседании партии, что они удовлетворены мерами, принятыми кабинетом Фетхи-бея. Тогда депутат Кылыч Али предложил призвать Мустафу Кемаль-пашу, который в своей речи указал на необходимость принятия более решительных мер. После речи М. Кемаль-паши прения были прекращены. Затем поступило предложение принять более решительные меры и создать Суды независимости⁴³. В этих условиях 2 марта правительство Фетхи-бея ушло в отставку.

Новый кабинет был сформирован Исмет-пашой 3 марта 1925 г.⁴⁴ Выступая с программной речью в ВНСТ, Исмет-паша заявил: «Прежде всего во внутренней политике мы попытаемся ликвидировать последние события и предохранить страну от интриг, обеспечить общественное спокойствие и укрепить во всех отношениях авторитет государства благодаря тем специальным действенным мерам, которые мы считаем полезными принять»⁴⁵.

Рассмотрев программу нового кабинета, газета «Хакимнети Миллие» отмечала, что смена кабинета произошла в результате разногласий не принципиального, а тактического характера. Это видно из того, что, как заявил Исмет-паша, он будет продолжать внешнюю и внутреннюю политику своего предшественника с некоторыми лишь тактическими изменениями⁴⁶.

В соответствии с этой программой новое правительство разработало административные, военные и политические мероприятия по подавлению восстания шейха Саида, курдского освободительного движения. Оно срочно подготовило проект закона об охране порядка и внесло его на рассмотрение ВНСТ. Большинство депутатов высказалось за принятие закона. Так, министр национальной обороны Реджеп-бей отметил, что одна из главнейших причин подготовки предложенного закона—это стремление восстановить авторитет власти, поэтому правительство считает необходимым «уничтожить все гнезда ядовитых гадюк, где бы и в каком бы углу страны они не находились»⁴⁷.

После продолжительной и острой дискуссии между крайними националистами и либеральной оппозицией, 4 марта ВНСТ приняло закон № 578 об охране порядка, который предоставлял властям исключительные полномочия в борьбе с народными выступлениями, с любой оппозиционной деятельностью.

В законе говорилось: «Ст. I. Правительство по собственному побуждению уполномочено по получению санкции президента республики бороться со всякими организациями, выступлениями, действиями и печатными изданиями, имеющими реакционный характер или побуждающими к мятежу или наносящими ущерб общественному порядку, спокойствию и безопасности страны.

Правительство вправе предавать Суду независимости лиц, совершающих указанные действия»⁴⁸.

Закон действовал в течение двух лет с момента его опубликования. Он предоставлял правительству фактически диктаторские права, которые оно должно было делить лишь с одним президентом. Добившись принятия этого драконовского закона, Исмет-паша внес на рассмотрение ВНСТ проект закона о создании Судов независимости.

Несмотря на оппозицию депутатов-«прогрессистов», ВНСТ приняло решение создать два суда независимости: один—для всей Турции с постоянным местопребыванием в Анкаре с ограниченными правами (для смертных приговоров необходимо было решение ВНСТ), другой—в восточных вилайетах с неограниченными правами.

Характеризуя новые законы, некоторые турецкие газеты были вынуждены признать, что они давали Исмет-паше такие права,

которые анкарское правительство не имело даже во времена борьбы за независимость. «Если изучить отдельные положения закона об охране порядка,—писала «Вақыт»,—то можно увидеть, что эти права почти неограничены...»⁴⁹.

Принятие этих законов по существу привело к ликвидации всякой оппозиционной деятельности, ограниченных буржуазных свобод, провозглашенных конституцией, а также к длительной однопартийной диктатуре кемалистов. Основываясь на принятые законы, турецкое правительство постановило закрыть почти все оппозиционные органы печати.

7 марта в стране было объявлено о частичной мобилизации. На следующий день Мустафа Кемаль обратился с воззванием к населению, армии и чиновникам, в котором он подчеркивал, что повстанцы, прикрываясь религией, преследуют контрреволюционные цели. В воззвании указывалось, что население, армия, административные органы, полиция и жандармерия должны проникнуться сознанием долга и прийти на помощь правительству, выполняя его приказы и распоряжения, направленные на ликвидацию восстания⁵⁰.

Комментируя это обращение М. Кемалья, газета «Вақыт» подчеркивала, что главной целью его было укрепление престижа власти, против которой еще задолго до восстания во многих районах страны отмечались выпады⁵¹.

12 марта 1925 г. угрожающее воззвание опубликовал Суд независимости Анкары. В нем указывалось, что «суд будет жестоко карать всех тех, кто натравливает общественное мнение против существующего строя и воодушевляет повстанцев, кто уклоняется от выполнения воинской службы и побуждает других дезертировать, помогая таким образом повстанцам»⁵².

Спустя несколько дней Народно-республиканская партия поддержала предложение правительства о том, чтобы смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами в районе восстания, были одобрены лишь командующим соединением данного района⁵³. Рассмотрение этого вопроса в ВНСТ вызвало сильное возражение со стороны оппозиции. Тем не менее, 31 марта ВНСТ приняло закон, одобривший предложения правительства.

К концу марта правительственные войска были готовы начать одновременное наступление на район восстания с севера, юга и юго-востока. Командовал войсками турецкий генерал Кемалетдин Сами-паша. По его заявлению перед правительством в курдском вопросе стояли три основные задачи:

1) кровавое и беспощадное подавление восстания. С этой целью было намечено начать общее наступление в первые дни апреля 1925 г., в котором должны были принять участие части 7, 8.

9-й армейских корпусов, а также по одной дивизии из 5 и 3 корпусов;

2) разоружение всех курдов, независимо от их участия в восстании;

3) расселение курдов по разным районам страны, чтобы они не могли образовать нигде большинства и переселение в курдские районы турок.

В целом, турецкое правительство продолжало традиционную политику и по отношению к курдам придерживалось этих трех пунктов.

Для подавления курдского восстания особые услуги оказали турецким властям французские империалисты, с разрешения которых турецкие войска по территории Сирии обошли повстанцев и стали теснить их с юго-востока.

Во второй половине марта 1925 г. турецкое командование обратилось с воззванием к населению вилайетов Эрзерума, Эрзинджана, Дерсима, Элязиза, Малатья, Урфы, Вана, Сиирта, Муша и Генджа. В этом воззвании говорилось: «Наша карательная армия закончила свои приготовления... Мощные удары будут нанесены тем, кто восстал против республиканского правительства. Необходимо, чтобы невинное население, которое докажет действиями свою верность республике..., осталось в стороне от этих ударов..., чтобы те, кто действительно враждебно относится к повстанцам, немедленно обратились к гражданским и военным властям республики с заявлением, что... они готовы вступить на добровольную службу...»⁵⁴.

В начале апреля командование карательной армии опубликовало заявление, в котором обещало за поимку шейха Саида вознаграждение в размере 1000 золотых лир (8000 бумажных лир), а за доставку мертвого Саида—700 золотых лир⁵⁵. Если лица, доставившие Саида живым или мертвым, будут принадлежать к его сподвижникам, то они не только не будут наказаны, а, напротив, получат вознаграждение⁵⁶.

Таким образом, турецкие власти пытались использовать все меры, начиная от жестоких репрессий и кончая подкупами, с целью обезглавить восстание и тем самым облегчить свою задачу—подавить курдское-освободительное движение.

Несмотря на численное и военное превосходство правительственных войск, курды продолжали сопротивляться. В этих условиях турецкое командование обратилось к курдам с новым воззванием, призывая сдать оружие и искупить вину выдачей вождей. В противном случае оно грозило строгими карами⁵⁷.

С угрозой выступил и Суд независимости в Диярбакыре. К середине апреля 1925 г. он обратился к населению с воззванием, в котором отмечал, что его решения распространяются на вилай-

еты Эргани, Элязиз, Диярбакыр, Урфа, Битлис, Хаккяри, Дерсим, Сиверек, Сирут, Мардин, Малатья, Муш, Гендж. Ван и уезды Хыныс и Киги Эрзерумского вилайета и что он наделен полномочиями применять суровые законы республики. Малейшие акции, направленные против безопасности республики и спокойствия турецкой нации, говорилось в воззвании, будут рассматриваться как величайшее преступление—измена родине⁵⁸.

В середине апреля главные силы повстанцев были окружены и разбиты в Генджской котловине. Шейх Саид и другие руководители восстания из-за предательства Джибранлы Касыма были схвачены на мосту через Мурадчай. Среди арестованных были шейх Саид, шейх Абдуллах, шейх Али, шейх Галиб, Решит-ага, Мехмет-ага, Тимур-ага, и еще 26 курдских повстанцев⁵⁹.

Оставшиеся без руководства отдельные группы повстанцев отошли за хребет Шарафутдиндаг (45 км к северо-западу от Муша). Здесь они были окружены и разгромлены.

Хотя восстание по существу было подавлено, турецкие правящие круги продолжали принимать суровые законодательные и административные акты, которые должны были жестоко карать участников восстания, мирное население, а также всякую оппозиционную деятельность. Так, 20 апреля 1925 г. ВНСТ решило еще на семь месяцев продлить осадное положение, объявленное в районах восстания и в соседних вилайетах. Одновременно оно предоставило правительству право внести изменения в административное устройство этих районов. ВНСТ продлило также на шесть месяцев деятельность Анкарского и Диярбакырского судов независимости и предоставило Суду независимости Анкары право приводить в исполнение вынесенные им смертные приговоры⁶⁰.

22 апреля 1925 г. ВНСТ принял закон № 635 об изменениях, вносимых в уголовный кодекс страны. В соответствии с этими изменениями к смертной казни приговаривались лица, пытавшиеся изменить или целиком упразднить республиканскую конституцию, стремившиеся распустить меджлис или мешать ему выполнять свой долг, а также толкать народ к антиправительственному вооруженному восстанию или натравливать друг против друга население Турции.

31 мая 1925 г. Мустафа Кемаль-паша обратился к населению с воззванием, в котором указывал, что правительство приступило к демобилизации войск, посланных для подавления курдского восстания. Однако Суды независимости будут продолжать свою деятельность. В заключение он подчеркнул, что последовавшие за восстанием репрессии должны напомнить, какое суровое наказание ожидает тех, кто думает свалить республику и «помешать национальному прогрессу»⁶¹.

Поражение восстания шейха Саида можно объяснить некоторыми внутренними и внешними причинами.

Одной из главных причин его было военное и численное превосходство правительственных войск. В ходе восстания турецкие правящие круги провели частичную мобилизацию пяти армейских корпусов. Мобилизационные части были стянуты со всей Восточной и Центральной Турции с тем, чтобы окружить районы восстания и одновременным ударом нанести поражение повстанцам. В подавлении восстания участвовали 2, 3, 8, 12-я и 17-я пехотные дивизии; 1 и 14-я кавалерийские дивизии; 3—4 пограничных батальонов жандармерии; части 7-го армейского корпуса и части 7 и 41-й пехотных дивизий из Аданы, Малатья и Нигдэ. Части 9-го армейского корпуса действовали со стороны Диярбакыра. Кроме того, в операциях участвовала и авиация—12 самолетов⁶². По данным участника курдского движения Исмаила Хаккы, против 40 тыс. курдских воинов было направлено около 200 тыс. турецких войск.

По официальному признанию М. Кемаля, турецкое правительство для подавления восстания было вынуждено держать на военном положении 8—9 дивизий регулярных войск⁶³.

По сведениям турецкой печати, восстание шейха Саида обошлось турецкой казне около 50 млн. лир⁶⁴, что составило более 25% расходной части годового бюджета страны.

Другой причиной поражения восстания было отсутствие единства среди вождей курдских племен, многие из которых не поддерживали шейха Саида. Во время восстания руководители некоторых племен Муша, Сиирта, Сиверека и других районов посылали депутатам ВНСТ телеграммы, осуждающие действия шейха Саида. В этих телеграммах они подтверждали верность и покорность правительству⁶⁵. Не поддержали шейха Саида и племена Дерсима. Такую позицию дерсимских курдов можно объяснить во многом тем, что они не верили в победу восстания и боялись лишиться своего полунезависимого положения, в котором они по существу находились. Таким образом, разногласия и отсутствие единства среди вождей курдских племен не дали им возможности подняться до уровня общенациональных задач и одержать решающую победу.

Третьей причиной поражения восстания было отсутствие единой и сильной политической организации, имевшей четкую программу действий. Хотя Комитет независимости Курдистана сыграл большую роль в подготовке восстания, но все же он не смог сыграть решающую роль в руководстве восстанием. Более того,

арест полковника Джибранлы Халит-бея и других видных деятелей из числа курдской интеллигенции лишил курдское движение относительно зрелого руководства. Практически курдское движение осталось без политических организаторов. Это привело к преждевременному началу восстания, во главе которого волею судьбы встал шейх Саид. Его патриотизм, большое влияние среди курдского населения и даже героизм повстанцев оказались недостаточными для успеха восстания. Не менее важной причиной было и то, что восстание не получило никакой внешней поддержки. В результате этих и других причин курдское восстание было подавлено турецкими правящими кругами.

Более того, турецким властям удалось это освободительное движение представить как восстание реакционного шейха, который якобы боролся за восстановление шарната и султаната под покровительством Англии, и тем самым лишить его поддержки со стороны мировой общественности и особенно поддержки соседних стран.

* * *

Еще до начала восстания, зная о существовании тайных курдских организаций, кемалисты предпринимали меры с целью обезглавить их. Так, в частности, они спровоцировали так называемые переговоры руководителя Общества возрождения Курдистана Сеида Абдулькадыра с агентом турецкой полиции, выдававшего себя за сотрудника английского министерства иностранных дел, об организации курдского восстания. Хотя при встрече с мнимыми представителями Восточного управления министерства иностранных дел Великобритании Сеид Абдулькадыр отказался принять чек на сумму в 80 млн. лир, а также подписать подготовленное агентами турецкой полиции соглашение об организации восстания, судьба курдских руководителей в Стамбуле была решена кемалистами: 13 апреля 1925 г. по приказу министра внутренних дел были арестованы Сеид Абдулькадыр, его сын Сеид Мехмед, Нефиз (из Сулеймание), Кер Абдулла Саади, а также несколько других его соратников.

Кроме того, начальник стамбульской полиции Экрем-бей принял административно-полицейские меры против возможного выступления курдов в Стамбуле, численность которых достигала в то время 10 тыс.⁶⁶

14 мая в Диярбакыре начался судебный процесс над Сеидом Абдулькадыром и другими лицами, арестованными по обвинению в деятельности по созданию независимого Курдистана. Прокурор Суда независимости Сюррейя-бей заявил журналистам: «Бывший сенатор Сеид Абдулькадыр и его приспешники активно работали во имя торжества восстания и независимости Курдистана до са-

мой середины апреля. Активными сообщниками Сеида Абдулькадыра являются его сын Сеид Мехмед, Нефиз (из Сулеймание)... и особенно курд Абдулла Саади»⁶⁷.

На судебном процессе Сеид Абдулькадыр отрицал свою причастность к восстанию шейха Саида. Он даже заявил, что немедленно сообщил бы властям о подготовке восстания, если бы знал об этом. Правдой в этом заявлении было то, что Сеид Абдулькадыр, действительно, не принимал активного участия в восстании шейха Саида, но о его подготовке, он, несомненно, знал, особенно после встречи в Стамбуле с Али Ризой (сыном шейха Саида).

В то же время не совсем достойно вел себя на суде Кер Саади, который своей недалекновидной и авантюристической деятельностью содействовал аресту видных курдских руководителей. Он не только не защищался, но и охотно рассказывал о деятельности курдских руководителей. «Да,—заявил он,—они много лет работают над созданием независимого Курдистана. Что касается его, то он приступил еще до начала мировой войны, за что был сослан в Таиф, принимал участие в создании различных курдских обществ, а в период освободительной войны выступал против национальных сил». Более того, он нарочито подчеркивал, что всеми курдскими делами руководил Сеид Абдулькадыр. Он говорил: «Без ведома Сеид Абдулькадыра в Курдистане не шелохнется даже лист»⁶⁸.

По окончании судебного процесса Суд независимости в Диярбакыре приговорил Сеида Абдулькадыра, его сына Сеида Мехмеда, адвоката Хаджи Ахту, Кер Саади, журналиста и общественного деятеля Кемалья Фавзи и Ходжу Аскери к смертной казни⁶⁹. 27 мая 1925 г., в Диярбакыре были повешены Кемаль Февзи, Хаджи Ахта, Сеид Абдулькадыр, его сын Сеид Мехмед, Кер Абдулла Саади и Ходжа Аскери. Перед казнью Хаджи Ахта воскликнул: «Да здравствует курдская идея! Да здравствует Курдистан!»⁷⁰.

На процессе выяснилось, что в период восстания шейха Саида в Диярбакыре существовала курдская тайная организация, которая оказывала помощь повстанцам и намеревалась сдать город. Однако руководители ее были заранее арестованы властями. Видным членом этой организации был доктор Фуад-бей⁷¹. На допросе доктора Фуада в Диярбакыре были прочитаны его письма в Стамбул, к бывшему военному министру султанского правительства курду Ферид-паше. В этих письмах он открыто говорил о своем сочувствии курдскому движению⁷².

В апреле 1925 г. Суд независимости приговорил доктора Фуада к смертной казни за деятельность в деле создания независимого Курдистана⁷³. Перед казнью доктор Фуад-бей воскликнул:

«Я всегда мечтал принести себя в жертву своей родине: нет сомнения в том, что зная независимости будет водружено на земле, где нас повесили».

В конце мая 1925 г. начался судебный процесс над шейхом Саидом и другими руководителями восстания, который продолжался в течение месяца. На скамье подсудимых в числе других были шейх Саид, шейх Абдуллах (из Меликана), шейх Исмаил (из Джизре), шейх Абдильяфиф (из Джизре), майор в отставке Касым (из Варто), Хаджи Халил Абдульхамит, Кямиль, черкес Решит, майор в отставке Исмаил, имам Молла Эмин, шейх Али, Баба-бей, Решит, Тимур, Мехмет, Сюлейман, майор в отставке Бахри, Эмин, Шевкет, Максут, Хамит, прокурор Малазгирта Абдильмеджит, шейх Шериф, Сюлейман (из Чапакчура), Али, Юсуф, Хюсейн, учитель начальной школы Молла Джемаль, Нимет, Ахмет, лейтенант жандармерии Мехмет Михри, чиновник здравоохранения Генджа Ниязи, Хаджы Садык и другие⁷⁴.

29 июня Суд независимости в Диярбакыре вынес приговор по делу 47 главных участников восстания во главе с шейхом Саидом. Все они были приговорены к повешению. На следующий день приговор был приведен в исполнение.

Перед казнью шейх Саид сказал: «Естественная жизнь приходит к концу. Я нисколько не сожалею, что приношу себя в жертву своему народу. Мы довольствуемся тем, что нашим внукам не будет стыдно за нас перед врагами»⁷⁵.

Казнь шейха Саида и его ближайших сподвижников не завершилась расправа над участниками восстания. На протяжении многих месяцев турецкие власти преследовали нежелательных лиц, предавали Суду независимости, который выносил лишь жесткие приговоры.

Воспользовавшись восстанием, турецкие власти расправлялись не только с его участниками, но и с наиболее влиятельными курдами, которые в целом относились лояльно к кемалистам. После подавления восстания турецкие власти по личному приказу М. Кемаля арестовали депутата ВНСТ первого созыва, представителя курдской интеллигенции Хасана Хайри и его племянника Джеляла Мехмета⁷⁶. Во время следствия председатель Суда независимости Али Саип, обращаясь к Хасану Хайри, сказал: «Вы приходили на заседания меджлиса в Анкаре в курдской национальной одежде и тем самым проповедовали курдизм».

В свою защиту Хасан Хайри заявил, что приходил на заседание ВНСТ в национальной одежде по указанию Мустафы Кемаля и посылал на Лозаннскую конференцию телеграммы, в которых отмечал, что курды не желают отделяться от турок. Однако это заявление не повлияло на членов суда, который принял решение

казнить бывшего депутата ВНСТ Хасана Хайри и его племянника Джеяла Мехмета по существу лишь потому, что они родились курдами.

Только перед казнью Хасан Хайри в полную меру понял антикурдскую политику кемалистов и воздал дань уважения курдам, отдавшим свою жизнь за освобождение своего народа. Так, перед виселицей он воскликнул: «Да здравствует курдский народ! Эй, жертвы Курдистана, теперь к вам присоединяется Хасан Хайри!»⁷⁷

26 сентября 1925 г. Суд независимости в Диярбакыре приговорил к смертной казни кузнеца-армянина Погоса (сына Макара), уроженца Чамишкецага «за активное участие в курдском восстании, за шпионаж в пользу повстанцев в Харпуте»⁷⁸.

По данным турецкой печати, к концу сентября 1925 г. суд восточных провинций 120 человек приговорил к смертной казни, 116—к различным срокам тюремного заключения, 104—передал в другие суды, а остальные были оправданы⁷⁹.

Однако по данным М. Н. Дерсими, только в Харпуте Суд независимости приговорил к смертной казни 400 курдских юношей Палу и Чапакчура⁸⁰.

Анализ социального состава лиц, которые были привлечены к суду и казнены, показывает, что в подготовке восстания приняли участие курдские офицеры, состоявшие на службе у турок, шейхи, землевладельцы, бывшие члены султанского парламента и ВНСТ, торговцы, журналисты, юристы, учителя, ветеринары и другие представители зарождавшейся курдской интеллигенции. Участие в восстании представителей различных слоев курдского общества свидетельствует о том, что их объединяла идея борьбы за освобождение от многовекового турецкого гнета. Этим можно объяснить, что в восстании 1925 г. кроме курдов участвовали ассирийцы, черкесы, армяне и представители других национальностей, что свидетельствовало о их недовольстве ассимиляторской и шовинистической политикой реакционных кругов Турции.

Об участии национальных меньшинств в курдском восстании писала и турецкая пресса. Так, «Хакимнети миллие» отмечала, что добровольцы, ассирийцы и армяне, присоединяются к повстанцам с целью создания независимой Армении, объединенной с Курдистаном⁸¹.

Стремясь разжечь национальную рознь между турками, курдами, армянами и ассирийцами, командующий турецким армейским корпусом разослал местным губернаторам нижеследующий циркуляр: «Шейх Саид..., ставший во главе восстания в районе Генджа, принимал также участие в ассирийском движении и битлисским военным трибуналом осужден за измену отечеству.

Среди пленных имеются добровольцы—ассирийцы и армяне. У них найдены документы, устанавливающие сотрудничество Саида с армянами и ассирийцами с целью создания независимого Курдистана... Воодушевленные чувством неукротимой мести против нас, армяне без сомнения ожидают лишь случая, чтобы уничтожить все неармянские элементы и прежде всего курдов, которым они сейчас помогают; на наших территориях и на костях нашей мусульманской расы они хотят восстановить новую Армению. Подавление этих мятежников... идет повсюду с успехом»⁸².

Таким образом, кемалисты, подавляя курдское восстание, использовали и политику разжигания национальной розни, натравливания мусульман на христианское меньшинство страны. Иной позиции придерживалось руководство восстанием. Например, когда сообщили шейху Саиду, что некоторые его сподвижники притесняют армян, он обнародовал приказ: «Кто хоть чуть заденет армянина, тот подвергнется самому суровому наказанию»⁸³. По данным армянской зарубежной литературы, после этого приказа, никто из курдских повстанцев не притеснял армян. К этому времени относится и начало сближения между курдскими и армянскими зарубежными национальными организациями, направленное против политики национального угнетения в Турции.

После подавления восстания и физического уничтожения его руководителей началась жестокая расправа над беззащитным курдским населением. Турецкие войска грабили и сжигали деревни, убивали стариков, женщин и детей.

Весьма характерную картину расправы над курдским населением дал Армстронг. «Курдистан,—писал он,—был опустошен огнем и мячом: мужчин пытали и казнили, сжигали деревни, опустошали поля, уводили и убивали женщин и детей. Мстя курдам, турки устроили резню, причем по свирепости и кровожадности не уступали туркам времен султана, избивавшим греков, армян, болгар... По решению судов курдов вешали, ссылали и сажали в тюрьмы с чисто военной быстротой»⁸⁴.

О зверствах и насилиях турецких войск сообщали письма, которые были посланы Ассирийским обществом в Лигу наций в августе 1925 г.⁸⁵ После подавления восстания в течение 1925—1926 гг. были разрушены сотни деревень, сожжены тысячи домов, убиты и угнаны сотни тысяч мирных жителей: женщин, детей и стариков. Осталась безучастной к судьбе курдского народа в Турции такая международная организация, как Лига наций. Вот одно из таких обращений, подписанное курдскими деятелями Ахмедом Али и Ходжой Сабри и переданное 25 июня 1925 г. в Лигу наций.

«Вот уже два месяца в нашей стране потоками льется кровь. Курдский народ находится под гнетом варваров. Не будучи

больше в состоянии переносить несправедливость и гнет. курдский народ прибег к оружию, чтобы свободно располагать своей судьбой. Борьба, которую мы предприняли, позволит обеспечить наше будущее существование. Мы будем продолжать ее до тех пор, пока не освободимся полностью от кровавого ига анкарского правительства. Курдский народ не имеет ничего общего с турками ни с точки зрения происхождения, ни традиций, ни языка. Поощряемое безразличием западных держав, анкарское правительство пытается проводить по отношению к нашему народу политику геноцида, которую оно успешно применяло к армянам. Наше движение имеет ясный национальный характер. Курдский народ требует от Лиги наций и цивилизованных народов срочной и действенной помощи. Вмешательство западных держав является не только гуманным долгом, но и политической необходимостью, курдский народ является гарантией мира на Ближнем Востоке»⁸⁶. Однако Лига наций не ответила ни на одно из таких многочисленных обращений. Более того, в июле 1925 г. Лига наций постановила не рассматривать протесты курдов против мероприятий турецкого правительства в отношении курдских повстанцев в Турецком Курдистане.

Жестокое подавление восстания 1925 года, казнь многих его руководителей вызвали сильное осуждение со стороны населения Южного Курдистана. Так, 26 июня 1925 г. в парке Мод в Багдаде курды созвали большой митинг в знак протеста против жестокостей турецких властей по отношению к курдам. Участники митинга послали телеграммы в Лигу наций и правительствам великих держав с просьбой оказать помощь турецким курдам⁸⁷. С протестом выступили также курды Сулеймание, Киркука, Эрбиля и других городов Иракского Курдистана. Однако действенной помощи турецким курдам не смогли оказать курды Ирака и Ирана.

Восстание шейха Саида оставило глубокий след в истории курдского народа, что получило яркое отражение в курдской литературе. Появилось значительное число произведений национальных поэтов, созданных после восстания в знак протеста против шовинистической политики правящих кругов Турции. Наиболее выдающейся была поэма видного курдского поэта Пирамерда. В этой поэме автор сравнивал «турецкое государство с машиной, которая не может работать в Курдистане, если ее не смазать кровью курдского народа»⁸⁸.

* * *

Восстание шейха Саида по своим масштабам и организованности не имело себе равных во всей истории курдского народа.

Вопрос о причинах и характере этого восстания вызвал много противоречивых суждений в турецкой и западноевропейской прессе. Эти суждения не были сделаны в результате научных исследований, а лишь отражали мнения пристрастных политиков, которые истолковывали курдское восстание главным образом в интересах своих стран, своих классовых групп и прослоек.

В целом турецкая печать того времени высказала несколько точек зрения о причинах и характере восстания. Одна точка зрения стремилась выдать его как «простой разбой диких племен»⁸⁹. Вторая точка зрения сводилась к тому, что основной причиной восстания явился религиозный фанатизм курдов. «Несколько политических изменников,—говорится в турецкой энциклопедии,—агенты иностранцев..., разжигая фанатизм, с одной стороны, и обещая грабёж городов населению, живущему в горах..., с другой—подняли восстание»⁹⁰.

Приверженцы этой точки зрения утверждали, что отсталое крестьянство, возглавляемое шейхом, борется против республиканского правительства якобы за восстановление халифата и султаната. В подтверждение этой мысли приводился довод, что восстание возглавляет шейх и его сторонники. Более того, распространялись слухи, что в восстании принимают участие представители свергнутой династии турецких султанов. Эта точка зрения также не выдерживала критики. Прежде всего, как мы увидели выше, восстание было подготовлено не шейхами, а главным образом Комитетом независимости Курдистана, во главе которого стояли такие видные деятели курдской интеллигенции, как полковник турецкой армии Джибранлы Халит-бей, журналист Кемаль Февзи, доктор Фуад и другие. Кроме того, лозунг борьбы во имя «восстановления шарната» призван был служить тактическим целям курдских лидеров. Главная их цель была независимость Курдистана. В самом деле, почему курды должны восстать в пользу идеи халифата, да еще в лице сына бывшего султана Абдул Хамида II. Если в отдаленные времена было движение против халифов, султанов, младотурок, то что же удивительного, если в эпоху пробуждения Азии, национально-освободительных революций курды пытались избавиться от национального гнета. Вообще курдам не был свойствен религиозный фанатизм. Многие курдские племена были поверхностно охвачены религией ислама, именно среди курдов развились многочисленные мусульманские секты. В повстанческом движении принимали участие и некоторые курдские племена, принадлежавшие к кызылбашам, езидам, заза и другим.

Восстановление теократического султаната означало реставрацию центрального бюрократического государства, не признающего прав других национальностей. Это означало для курдов поли-

тический гнет и национальное бесправие. В то же время, прикрывая национальную идею лозунгом уважения к исламу, курдские деятели стремились использовать влияние шейхов, а также заручиться поддержкой мусульманского населения страны, в том числе и турок. Здесь следует также иметь в виду, что в отсталой Турции, особенно в восточных и юго-восточных вилайетах, где не было резко классового расслоения курдского общества, курдское национальное движение могло принять религиозную оболочку. Все эти факты свидетельствуют о том, что лозунг «освобождение религии» от кемалистов повстанцы использовали лишь как тактику в своей политической и национальной борьбе. Еще менее убедительными были крикливые утверждения турецкой официальной прессы о реакционности восстания шейха Саида, которая всеми силами стремилась дискредитировать курдское национальное движение. Это было естественно, ибо кемалисты, используя курдскую проблему, всячески старались заклеить курдское восстание перед общественным мнением своей страны и вне ее, придавая ему реакционный или религиозный характер.

И, наконец, третья точка зрения сводилась к тому, что, якобы, восстание вызвано интригами иностранцев, в частности, англичан. Подобное утверждение в целом неверное. В этой связи представляет интерес интервью депутата ПРП от Эрзерума Рюшту-паша турецкой печати 26 февраля 1925 года. В этом интервью он заявил: «...Что касается версии об иностранном вмешательстве, то я ее считаю совершенно необоснованной, потому что Гендж и Муш находятся слишком далеко от границы. Если бы повстанцы рассчитывали на поддержку извне, они должны были бы действовать в приграничных районах и соединиться с племенами этих районов, где отсутствует турецкая администрация»⁹¹.

Следовательно, восстание было вызвано не подстрекательством извне, а постоянно действующими внутренними факторами. Об одном из таких факторов свидетельствуют материалы, которые приводил корреспондент газеты «Вақыт» Нашид Хаккы в Диярбакыре, где проходили заседания Суда независимости. В обвинительной речи прокурора, приведенной корреспондентом, говорилось: «Причины и истоки последней революции, происшедшей в восточных вилайетах нашей родины—вечной Турции, ничем не отличаются от причин, вызвавших в недалеком прошлом восстание в Боснии и Герцеговине. Идеалы и цели, породившие курдскую революцию, это те же идеалы и цели, которые привели к разложению в Сирии и Палестине».

В свою очередь в заключение председатель Суда независимости, обращаясь к подсудимым, приговоренным к смерти и каторжным работам, сказал: «Одни из вас ссылались на админи-

стративные злоупотребления правительства как на предлог для восстания, другие говорили о защите халифата, но все вы были едины в одном вопросе: вы хотели создать независимый Курдистан»⁹².

Таким образом, сами представители турецких административных органов были вынуждены сказать все-таки полуправду об истинных причинах курдского восстания.

Несмотря на известные его недостатки, отсутствие четкого плана действия, восстание шейха Саида можно и нужно считать народным, потому что в нем приняло участие подавляющее большинство курдов восточных и юго-восточных вилайетов, все социальные слои курдского общества: крестьянство, кочевники-скотоводы, представители торговой буржуазии, шейхи и ага, военная и гражданская интеллигенция и даже грузчики из Стамбула. Разумеется, участвуя в курдском движении, каждая из этих социальных слоев наряду с общенациональной задачей—освобождение от турецкого гнета—имела и свои собственные цели. Но это не мешало курдам объединиться в отряды, героически сражаться против регулярных турецких войск и, если было нужно, героически умереть во имя независимости Курдистана. Поэтому, несмотря на узкоклассовые цели курдской феодальной верхушки, восстание шейха Саида, как и последующие курдские восстания в Турции, имело освободительный, прогрессивный характер.

Մ. Ա. ՀԱՍՐԱԹՅԱՆ

1925 թ. ՔՐԴԱԿԱՆ ԱՊՍՏԱՄԲՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ա մ փ ո փ ու մ

Հոգւածում մանրամասնորին լուսարանվում են Թուրքիայում 1925 թ. տեղի ունեցած քրդական ապստամբության նախապատրաստման, ընթացքի և վախճանի հարցերը: Համակողման փաստարկված է այն միտքը, որ հանրապետական Թուրքիայում ազգային հարցը ոչ միայն իր լուծումը չստացավ, այլև ընդունեց ավելի սուր բնույթ:

1925 թ. քրդական ապստամբությունն, այսպիսով, ուղղված էր Թուրքիայի կառավարող շրջանների ազգային հալածանքի և ճնշման դեմ: Վեր են հանված ապստամբության ներքին թուլության և պարտության պատճառները: Չնայած քրդերի 1925 թ. ապստամբությունը Թուրքիայում պարտություն կրեց, սակայն այն լուրջ հետք թողեց և կարևոր

Եշանակութիւնն ունեցալ ըրդերի ազգային ինքնագիտակցութիւնն զար-
դացման գործում:

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *M. Toker, Seyh Sait ve Isyan, Ankara, 1968, s. 35.*
- 2 X. Барзани. Курдские политические партии и общественные организации в борьбе за разрешение курдской проблемы, канд. дис. М., 1971, с. 45.
- 3 Шейх Саид родился в уезде Палу (вилайет Элиязиг) в 1865 г. Дед его шейх Али Септи в конце XVIII в. переехал из деревни Септи (вблизи Диарбакира) в Палу, где продолжал свои обязанности шейха. Шейх ордена «Нахшбанди» Али Септи имел пятерых сыновей. Одного из них звали Махмудом—отец шейха Саида. После смерти Али Септи шейх Махмуд переехал на местожительство в Хыныс, где получил религиозное образование (*M. Toker, Seyh Sait ve Isyan, s. 31*).
- 4 *M. Firat Dogu Illeri ve Varto Tarihi, Ankara, 1961, s. 126.*
- 5 *M. S. Firat, s. 127.*
- 6 В марте 1925 г. в Битлисе Джибранлы Хамит бей был расстрелян, а Юсуф Зия—повешен (см. Ч. Սասունի. Քուրդ ազգային շարժումները, Բիւրուք, 1969, էջ 250):
- 7 Ч. Սասունի, Եշմ. աշխ., էջ 246:
- 8 «Ազատ», 19.VIII. 1925. (Здесь и далее названия турецких газет, вышедших по 1928 г., в целях облегчения даны латинским шрифтом).
- 9 *M. N. Dersimi, Kürdistan Tarihinde Dersim, Halep, 1952, s. 174.*
- 10 *M. Firat, s. 129.*
- 11 *S. S. Aydemir, Tek Adam. Mustafa Kemal, cilt 111, Istanbul, 1966, s. 225.*
- 12 *M. Firat, указ. соч. s. 131—132.*
- 13 Пиран находится в уезде Эргани (вилайет Бингель).
- 14 *M. Toker, s. 37.*
- 15 *N. Dersimi, s. 176.*
- 16 *M. Firat, s. 132.*
- 17 *N. Dersimi, s. 177.*
- 18 С. С. Аванесов. Положение национальных меньшинств в Турции, Ереван, 1963, с. 54.
- 19 *S. S. Aydemir, İkinci Adam, İsmet İnönü, cilt I, Istanbul, 1968, s. 308.*
- 20 *H. C. Armstrong, Grey Wolf. Mustafa Kemal, London, 1934, p. 264.*
- 21 *M. Firat, s. 133.*
- 22 Ч. Սասունի, Եշմ. աշխ., էջ 247:
- 23 Բ. Ч. Ժամկոչյան, Հայնի, էջ 323:
- 24 *M. Firat, s. 134.*
- 25 *S. Aydemir, Tek Adam, s. 226.*
- 26 *N. Dersimi, s. 183*
- 27 *M. Firat, s. 137—138.*

28. Там же, с. 143—145.
- 29 N. Dersimt, s. 178—179.
30. Курдский патриот Хасананлы Халит-бей весной 1926 г. вместе с 25 всадниками вернулся в Турцию (Малазгирт) с целью поднять новое восстание. Однако товарищи его сдались каймакаму Малазгирта, а Хасананлы Халит-бей со своими двумя сподвижниками был ночью захвачен в селе Ширваншейх и повешен 31 июля в Диарбакыре. Что касается Али Ризы, то он из Ирана уехал в Ирак, а затем в Сирию, где вступил в курдскую военно-политическую организацию «Хойбун» (M. Firat, s. 146).
- 31 B. Cemal, Seyh Salt Isyani, Istanbul, 1955, s. 39.
- 32 «Заря Востока», 1.III.1925.
- 33 „Hakimiyet Milliye“, 24, 11, 1925.
- 34 M. Toker, s. 22.
- 35 „Istanbul“, 25, 11, 1925.
- 36 „Tantn“, 27, 11, 1925.
- 37 B. Cemal, s. 47.
38. Характерно, что на состоявшихся в феврале 1925 г. муниципальных выборах во многих городах (Самсуи, Эскишехир, Сивас, Мерсин) кандидаты НРП потерпели поражение. Победу одержали либо ПРП, либо «независимые».
- 39 T. Z. Tunaya, Türkiyede Siyasi partiler, Istanbul, 1952, s. 617.
- 40 S. Aydemir, Tek Adam, s. 220.
- 41 M. Toker, s. 45.
- 42 S. Aydemir, указ. соч., s. 221.
- 43 M. Toker, s. 66.
- 44 В него не был введен ни один представитель из курдских вилаетов. Все министры были главным образом из центральных и западных районов Турции.
- 45 M. Toker, s. 69.
- 46 „Hakimiyeti Milliye“, 111, 1925.
- 47 „Tantn“, 5, 111, 1925.
- 48 „Düstür“, cilt 6, s. 144.
- 49 „Vakit“, 6, 111, 1925.
- 50 M. Toker, s. 76—77.
- 51 „Vakit“, 9, 111, 1925.
52. Цит. по журн. «Аграрные проблемы», 1931, № 9—10, с. 108.
- 53 „Gazet“, 31, 111, 1925.
- 54 „Journal d' Orient“, 24, 111, 1925.
- 55^{Р.} Ч. ժամկոչան, եզգ. աշխ., էջ 319.
- 56 „Akşam“, 5, IV, 1925.
- 57 „Akşam“, 13, IV, 1925.
- 58 „Istanbul“, 14, IV, 1925.
- 59 S. Aydemir, Tek Adam, s. 227.
- 60 См. „Düstür“, cilt 6, s. 566, 567, 568—569.

